

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ИННОВАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

КОЛОСОВСКИЙ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики фирмы и рынков,
Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта
e-mail: andrei_kolosovsky@pochta.ru

В статье исследуются основные проблемы российской экономики, особенности институциональных изменений, методы модернизации. Подчеркивается необходимость осуществления в российской экономике технологического рывка. Анализируются причины мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.

Ключевые слова: инновации; менталитет; институты; человеческий капитал; этногенез; теория пассионарности.

The main problems of Russian economy, peculiarities of the institutional changes and the methods of modernization are investigated in the article. The need for technological breakthrough in the Russian economy is emphasized. The reasons of the global financial crisis of 2008-2009 are analyzed.

Keywords: innovation; mentality, institutions, human capital, ethnogenesis, the theory of passionarity.

Коды классификатора JEL: B52, O31, J24.

Экстенсивный сырьевой рост последних 8–9 лет (1999–2008 гг.), покрывавший непомерные аппетиты государства и стимулировавший непомерное разрастание российских «священных коров» — естественных сырьевых монополий и многоликого чиновничества, закончился. Экономического чуда не случилось. Даже колоссальные цены на нефть и другие сырьевые (читай, «колониальные») товары не покрывают постоянно растущих потребностей страны. Расплачиваемся бегством капитала, потерей экономической динамики, немалой инфляцией, неэффективной занятостью и иммиграционной деформацией рынка труда, другими проблемами макроэкономической несбалансированности. Все это ведет к необходимости настойчивого поиска такого эффективного механизма будущего устойчивого, неинфляционного роста, которым является технологическая модернизация экономики на инновационной основе. Путь этот сколь известен, столь и не нов (кроме России). Этот локомотив показал свою эффективность в новых индустриальных странах, способствовал переходу наиболее экономически развитых стран к постиндустриальному хозяйству.

Следует назвать еще одну вескую причину, по которой становится не только бесперспективным, но и просто опасным традиционный сырьевой дрейф российской экономики. Причина эта состоит в низкой рентабельности отечественного нефтегазового сектора: себестоимость добычи нефти в России — в 2–2,5 раза больше, чем у таких основных поставщиков нефти на мировой рынок, как Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт (себестоимость добычи нефти в 2001 г.: Саудовская Аравия — 3 долл., Россия — 7,05 долл., Норвегия — 10 долл., Венесуэла — 10 долл., Иран — 4 долл., ОАЭ — 3 долл., Ирак —

3 долл., Кувейт — 3 долл., Нигерия — 5 долл., Мексика — 10 амер. долл.)¹. Кроме того, значительно истощены традиционные нефтяные месторождения, и требуются значительные инвестиции по освоению новых, перспективных, но равно и труднодоступных — на шельфе северных российских морей. На шельфе содержится четверть наших запасов нефти и половина запасов газа. Распределены они следующим образом: Баренцево море — 49%, Карское — 35%, Охотское — 15%. И лишь менее 1% находится в Балтийском море и на нашем участке Каспия (*Осадчий 2006*).

Таким образом, России ничего не остается, как переходить на рельсы инновационной модернизации своей экономики. Однако здесь есть еще один вопрос: почему вообще усиленно обсуждается проблема неинновационности российской экономики? Как оно случилось, что Россия до сих пор не стала экономически мощной инновационной державой? Существует достаточно много работ, посвященных изучению этого вопроса (*Колосовский 2010, 27–33; Шаститко, Афонцев и Плаксин 2008, 71–85*). На взгляд автора, причины хронического инновационного отставания российской экономики, коренятся в институционально-ментальных особенностях российской цивилизации, выражающихся, в частности, в традиционной сакральности государства, общественном этатизме (*Зубова 2008, 136–141; Щекотихин 2008, 161–168*) и патернализме.

По мнению Винокурова М.А. и Карнышева А.Д., основные проблемы российской экономики состоят в неэффективности ресурсной ориентации, ее высокой энерго- и материалоемкости, демографическом кризисе, слабой развитости инновационных технологий и т.д. Вопросы преодоления названных недостатков авторы рассматривают с человеческой и этнокультурной точек зрения. Причем этнокультурный фактор иллюстрируется внешними и внутренними, значащими для российского государства фактами (*Винокуров и Карнышев 2010, 8–12*).

В частности, как отмечают Н.И. Комков и Н.П. Иващенко (*Комков и Иващенко*), на начальном этапе реформ многие механизмы рыночной экономики еще не были созданы, а условия справедливой конкуренции и формирования равновесных цен нарушались неконтролируемой монополией некоторых предприятий, поддерживаемой коррупционными чиновниками и криминалом. Все это приводило к тому, что прогрессивные, активные стратегии развития использовались ограниченно, а стратегии выживания и адаптации преобладали.

Предварительный вывод из базовых данных настоящего исследования состоит в том, что России необходимо срочно, но планомерно принять и реализовать комплекс мер не только экономического, но и образовательного, культурно-воспитательного плана по корректированию общественной ментальности. При этом не следует забывать, что ментальность во многом есть отражение экономической действительности, истории развития страны.

Особенностью российского менталитета является высочайший конформизм, уникальная способность приспосабливаться к любым изменениям, сводящие, в принципе, на нет даже самую возможность успеха реформ. Отсюда — их гипотетичность. Это с одной стороны. С другой, — «оторванность», этакий высшей степени снобизм российского политического класса, а также чиновничества, их автономность, независимость от общественного мнения, при нарастающем недоверии широких слоев общества. Идет это, отчасти, от деградации институтов публичной власти, формальности программ и действий. Однако наступает момент истины — тотальная модернизация востребована уже не благодаря внутренним факторам, требованиям сиюминутной политической конъюнктуры, электоральным ожиданиям, и не желанием политической

¹ См.: Мировой рынок нефти. (<http://rusanalit.livejournal.com/457695.html>).

элиты прибавить себе популистского рейтинга, но как результат внешнего воздействия, действия факторов глобальной и межстрановой конкуренции, она продиктована необходимостью выживания государства, да и российской цивилизации в целом. Ситуация, в действительности, такова, что у России имеется последняя возможность использовать свой шанс провести тотальную инновационную модернизацию по постиндустриальному типу. Ситуация во многом схожа с той, которая сложилась в СССР в период 30–40 гг. XX в., когда в результате чрезвычайного перенапряжения в стране удалось осуществить индустриальный технологический переход. Страна прочно заняла одно из лидирующих позиций в мировой экономике. Однако заплатить за этот скачок тогда пришлось сверхвысокой ценой, ценой разрушения крестьянства, жесточайших репрессий и политических гонений, а также сегодняшней депопуляцией.

Вопрос, таким образом, стоит крайне остро: российской экономике крайне необходимо, причем, в кратчайшие сроки осуществить технологический рывок, не допускающий, однако, насилия, столь часто практиковавшегося в России в прошлом. Россия уже не в состоянии будет пережить повторения подобных методов модернизации.

Осуществить требуемый переход возможно, опираясь на имеющиеся у общества ресурсы. Главным из них, по мнению автора, как не банально это звучит, является доверие в обществе, доверие к институтам и индивидам, доверие бизнеса к государству, доверие общества к государству, доверие государства к своему народу. Другими словами, речь идет о социальном капитале и его роли в модернизации экономики и страны в целом (*Kolosovsky 2009, 8–9*).

Вторым по значимости фактором выступает давно имеющийся в стране инновационный сектор: российская наука, инженерный корпус — высококачественный человеческий и интеллектуальный капиталы, способные (при надлежащем к ним отношении со стороны политической элиты) обеспечить решение вопроса, вынесенного в заголовок настоящей статьи.

Проблема перехода России, ее регионов на рельсы инновационного развития имеет многофакторный характер. Многие практические шаги политической власти, нацеленные на реализацию этой многообещающей стратегии развития страны, до сих пор опираются на использование традиционного ресурсно-сырьевого бюджетобразующего подхода, обеспечивающего финансирование различных программ развития, даже такого самодостаточного, как инновационный путь. Это напоминает ситуацию, когда в роли толкача, чтобы завести автомобиль, используется сила мускулов. При этом не рассматривается сама возможность перехода на преимущественно инновационный путь развития в ближайшие несколько лет. С самых высоких трибун заявлено, что еще, как минимум 50 лет Россия будет развиваться за счет топливно-сырьевых источников. Что касается научных публикаций, посвященных теме инновационного развития страны, то их достаточно много, и посвящены они различным аспектам и направлениям по этой широчайшей теме, в т.ч. организационным, инвестиционно-финансовым, макро и микроэкономическим и пр. Однако, по мнению автора, недостаточно работ, посвященных роли человека, индивида в обеспечении результативности инновационного процесса, эффективности общественных и частных инвестиций, направленных в этот процесс. Дефицит таких исследований отражает господствующую в российском обществе точку зрения о товарной природе человеческого капитала, что, подобно крепостному праву в прошлом, тормозит развитие современной российской экономики. Происходит это из-за того, что наемный работник зависим от предпринимателя-капиталиста (владельца физического капитала), а целью современного экономического общества (*Kolosovsky 2009, 8–9*) является не развитие человека, а получение максимальной при-

были за счет использования его способностей (*Чистяков 2007, 4*). При этом следует заметить, что большинство авторов рассматривают интеллектуальный капитал не с позиции работника, а с позиции бизнеса, т. е. как источник успешного развития фирмы. При этом не уделяется должного внимания основам теории интеллектуального капитала, а способности и качества человека (работника) рассматриваются всего лишь в качестве составного элемента интеллектуального капитала фирмы. Среди авторов, которые затронули вопросы качественного экономического роста, связанного с развитием человеческого капитала, можно назвать таких как Д.С. Львов, Т.В. Чечелева, Ю.В. Дякина, М.А. Щербатых (*Львов 2004; Эффективный экономический рост 2001; Дякина 2004; Щербатых 2003*).

Следует отметить, что проблема функционирования человеческого, и шире, социального капитала, настолько широка и фундаментальна, что одной лишь экономической науке здесь не справиться — требуются исследования на стыке с другими общественными науками. Однако специфика именно человеческого капитала — как саморазвивающейся социокультурной и психофизиологической сложноорганизованной ресурсно-экономической индивидуально-рефлексирующей системы (*Семенов 2006, 62–77*) — такова, что при разработке эффективных технологий управления ею недостаточно исходить из одних лишь экономических представлений, без учета знаний смежных наук об обществе и человеке, в том числе социологии (*Радаев 1998*), психологии и акмеологии. Поэтому целесообразен междисциплинарный подход к изучению человеческого капитала применительно к фундаментальным проблемам капитализации человека и прикладным задачам оптимизации управления экономическими и человеческими ресурсами. Помимо этих традиционных социально-экономических показателей необходимо выделить также медико-биологические, демографо-культурологические и психолого-акмеологические (в том числе организационно-деятельностные, креативно-инновационные, рефлексивно-личностные и т.п.) (*Семенов*). Так, нам представляется, что возникшая недавно экономическая биология человека (*Миронов 2004, 141–150*) задает свой, эволюционно-экономический и медико-биологический, масштаб оценки капитала, позволяя рассматривать развитие его капитализации человека не только с традиционных социально-экономических представлений, но и в несколько иной логике — природно-базисных, а именно, биолого-цивилизационных изменений. Соответственно трансформируется (*Семенов 2009, 434–441*) предмет изучения человека как капитала: от его первоначального анализа на базе классической политэкономии через последующую трактовку с эволюционно-антропометрических позиций биологической экономики до современного понимания в гуманитарном человекознании как социального капитала, характерного для развития высокоиндустриального и постиндустриального общества, вступившего в эпоху глобализации. Важно подчеркнуть, что эффективное социально-экономическое развитие и глобализация общества во многом определяются не только прорывами в науке и технике (например, создание Интернета и нанотехнологий), но и глубокими изменениями в технологии труда, организации профессиональной деятельности и управлении человеческими ресурсами, в том числе способностями и знаниями, рефлексивно-творческим потенциалом и другими аспектами капитала человека как субъекта деятельности и экономического поведения.

Важное значение профессионально-творческих ресурсов для капитализации человека подчеркивают философы, экономисты и психологи (*Бузгалин и Колганов 2006, 125–141*) Р. Флорид, А. Бузгалин, А. Колганов, И.Н. Семенов и др. Стратегическое значение приобретает изучение и развитие творческого потенциала современного профессионала в сфере экономики и управления как важной составляющей человеческого капи-

тала, поскольку одной из характерных тенденций развития современной экономической науки является переход от «человека экономического» (*homo economicus*) к «человеку постэкономическому» (*homo posteconomicus*) (Kolosovsky 2009, 10), «человеку творческому» (*homo creator*). В связи с этим необходима разработка комплексных моделей, интегрирующих социально-экономические, психофизиологические и рефлексивно-акмеологические аспекты человека как субъекта и объекта капитализации, включающей в себя такие ее компоненты, как профессиональное образование, социальное управление, а также личностно-профессиональный рост, развитие способностей (в том числе рефлексивных (Кларин и Семенов 1995; Шадриков 2007)) и самореализацию творческого потенциала в социальной деятельности.

Недостаточное внимание к человеку-инноватору, к индивиду как ядру инновационного процесса в научной литературе во многом является следствием слишком хорошо известной российской традиции, умаляющей роль человека труда в развитии общества. Следствием этой традиции является методологический вакуум в практических управленческих бизнес-технологиях, применяемых в корпоративном секторе, нацеленных на усиление интенсивности использования (эксплуатации) производительного труда, но не на стимулирование творческого потенциала работников. Та же ситуация наблюдается и в макроэкономических подходах, основывающихся на недооценке роли сферы человека в деле становления будущего страны. Все это приводит к общей неэффективности отечественного хозяйственного механизма. Восполняется этот народно-хозяйственный дефицит «инновационными заимствованиями», т.е. импортом достижений науки и техники из-за рубежа.

Говоря о вреде «инновационных заимствований», следует отметить, что таковые приносят больше вреда, чем пользы для российской экономики. Например, авторы статьи (Келле, Михайлов и Шведовский 2001, 114–122) показали, что увеличение с помощью закупок за рубежом существующего «портфеля изобретений» более чем на 50% приводит к деградации отечественного инновационного потенциала.

Как представляется автору, корень рассматриваемой проблемы значительно глубже кажущейся на первый взгляд. Проблема лежит в особенности российской цивилизации.

Что же касается проблем регионального развития, которые также обострились в последнее время, то их можно попытаться объяснить и спрогнозировать на основе методологии, также предоставляемой теорией поведенческой экономики на стыке различных наук, как то: этнография, социология и экономика. Как представляется автору, описать сколь-нибудь адекватно процессы, происходящие в регионах, в территориях проживания этно-социо-культурных сообществ, или, просто, этносов, практически невозможно. В этой связи для целей регионального анализа автору представляется актуальным применить методологию, предложенную выдающимся российским советским ученым-историком Л. Гумилевым, — теорию пассионарности (Гумилев 2009, 13–18).

Очевидно, что одни и те же экономические процессы в разных регионах будут протекать по-разному, со своими особенностями. Не последнюю роль здесь будет играть этнос, проживающий на данной территории. Зададимся вопросом: почему на прилегающих территориях сопредельных стран (России, Польши и Литвы), некогда принадлежавших Восточной Пруссии, со сходными географо-климатическими условиями, хозяйственные процессы протекают по-разному. Ответ, как говорится, лежит на поверхности. Территории принадлежат разным государствам, здесь граничащим, они осуществляют разную региональную политику. Это понятно. Однако здесь действует еще один фактор, который в региональной экономике не принято всерьез рассматривать. Речь идет о разных этносах, развивающихся на данных территориях.

Так вот, что касается населения, или, иначе, этноса, то ни одна из широко используемых экономических моделей не опускается до изучения его поведения. А ведет он себя в целом именно иррационально. Иррациональность эта является как бы результирующей силой разнонаправленных действий различных индивидов. Одни из них четко представляют свои цели и следуют им. Другие не имеют никаких целей (таких подавляющее большинство) и их поведение хаотично. Однако и первые и вторые осуществляют свое поведение в соответствии со своими взглядами, интересами, страстями («*passio*»), конкурируя с другими индивидами, добывая свои источники существования. Процесс этот протекает перманентно, с ограничениями, накладываемыми уровнем морали, традициями общества, уровнем бытовой, поведенческой культуры и нравственности индивидов. Другими словами, институциональная структура будет оказывать существенное влияние на принятие индивидами своих решений. Не последнюю роль здесь играют традиции и культура общества, менталитет этноса. Кроме того, следует отметить, что под влиянием целесообразной деятельности различных институтов, например, государства, церкви, а также царящей в обществе морали и нравственности «направляется» поведенческий вектор по тому курсу, который требуется элите общества в конкретной ситуации. В последнем случае можно было бы говорить о рациональной целенаправленной деятельности, если бы не

Если вооружиться инструментарием «теории пассионарности», влияющей на этногенез, то историю самого западного края России можно описать, только опираясь на историю перемещения пассионариев. Причем начиная с древних балтов, а затем прусских племен, которых сменил орден крестоносцев. Затем наступили советские времена, где на третьей части бывшей Восточной Пруссии был сформирован калининградский этнос, советская колония. Если исходить из смысла термина «пассионарность», который у Гумилева означает не иначе как «страсть» («*passio*», лат.), то становится совершенно очевидным, нами движут страсти, что не противоречит самым солидным современным учениям, в т.ч. и марксизму.

Что же до менталитета русского населения, составляющего основу (до 80% национального состава) этноса, населяющего нынешнюю Калининградскую область, то это тема для особого разговора.

Представители современной неоинституциональной экономической науки отмечают, что институты этики не являются продуктом целенаправленной деятельности индивида или группы индивидов. Они формируются в результате эволюционного культурного отбора². Индивиды, принимая решения в процессе хозяйственной деятельности, учитывают те ограничения, которые обуславливаются устоявшимися и принятыми как традиционные матрицами поведения. Игнорируя доминирующие в обществе этические нормы, индивиду трудно рассчитывать на успех своего дела.

Но самое важное заключается в том, что, действуя согласно правилам, которые закрепились в результате эволюционного отбора, субъект хозяйственной деятельности использует больше информации о приемлемости своих поступков, чем он может получить и осмыслить, руководствуясь лишь одной рациональностью. Неслучайно Ф. Хайек отмечает по этому поводу: «Рационализм может быть ошибочным, и традиционная мораль может в некоторых отношениях обеспечить более верное руководство для человеческих действий, чем рациональное знание» (*Хайек 1991, 185*). Моральные нормы влияют на процесс формирования субъективных мысленных конструкций у индивида. Дуглас Норт подчеркивает, что «субъективные мысленные конструкции, при помощи которых индивидуумы обрабатывают информацию, приводят к решениям, определяющим выбор индивидуума» (*Норт 1997, 16*). Обладая различными

² См.: Современный словарь иностранных слов. М., 1992. 727.

способами восприятия (менталитетом) экономических явлений, индивиды в схожих экономических ситуациях принимают различные решения. «Мысленные конструкции игроков, заданные сложностью окружающего мира, ограниченной информационной обратной связью с результатами деятельности, унаследованными культурными традициями, определяют их восприятие» (*Норт 1997, 17*). Следовательно, успех проведения рыночных реформ во многом зависит от способа их реализации в соответствии с вековыми традициями народа, являющимся основой этноса, его менталитета.

На взгляд автора, события, связанные с разворачиванием мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. можно интерпретировать не только как переход к постиндустриальному, информационному обществу, но и как переход к новой «постэкономической цивилизации», для которой характерно уже не поведение «экономического человека», а как раз «человека неэкономического» (*homo noneconomicus*). Современная же экономическая наука не может корректно объяснить наблюдаемые события. Следовательно, на лицо кризис современной экономической науки. Однако, на взгляд автора, и не следует во всем винить экономику, поскольку еще выдающийся российский мыслитель С.Н. Булгаков (*Булгаков 2007, 834*) отмечал, что «экономические науки, хотя будучи высокого о себе мнения, очень ограничены в своем кругозоре. Они являются пленницами данного момента, поставленных ими самих авторов». И далее: «Экономизм есть мирочувствие (особенно нынешнее), по которому изучается жизнь в зависимости от хозяйственных ее условий. Вопреки его зловредности, должно [бороться] с силой экономизма, а не прятать голову от опасности, им вносимой».

Таким образом, причины нынешнего глобального кризиса следует искать не только в узких рамках хозяйственной деятельности и экономического образа мышления, но, привлекая и другие методологические подходы, предоставляемые нам другими отраслями знаний, особенно находящаяся на стыке наук.

В результате взаимодействия достаточно разнонаправленных элементов, назовем их факторами (за которыми, однако, стоят интересы отдельных социальных групп, или, по марксистской терминологии, классов), регион развивается по вполне конкретной траектории.

С этой точки зрения, в экономическом плане мы имеем рыночную экономику, в количественном же отношении отличающуюся от своих соседей по Балтийскому региону (как зарубежных, ближайших географически, так и российских, по Северо-Западному ФО). В хозяйственном же плане мы имеем нерациональное хозяйство, отсталое хозяйство, антихозяйство (*Осинов 2003, 373*). Впрочем, будучи составной частью экономики страны, мы ведем свое региональное хозяйство так, как это делается в России. Вопрос, таким образом, необходимо поставить шире: хозяйствует или антихозяйствует ныне Россия?

Будучи составной, неотъемлемой частью экономики России, экономика Калининградской области, естественно, имеет все те плюсы и минусы, которые свойственны российской экономике. Какая же характеристика подходит к экономике России? Мы знаем, что в результате глобального финансово-экономического кризиса, серьезно затронувшего Россию, с конца 2008 г. произошло падение ВВП на 20–30%: доходы населения снижаются, а цены на товары и услуги растут. Оказалось, что спад особенно затронул сырьевые отрасли народного хозяйства страны. Таким образом, стало очевидным то, что было понятно и раньше: Россия осталась один на один со своей, в целом, сырьевой, самоедской экономикой. В этом смысле интересна оценка уровня хозяйствования в России, которая дается в многочисленных исследованиях.

Что же касается сравнения уровня хозяйствования в Калининградской области и ее ближайших соседей — Польши и Литвы, то и здесь счет не в нашу пользу. Са-

мый западный регион России значительно по основным макроэкономическим параметрам отстает от ближайших соседей, вступивших более пяти лет назад в Евросоюз. Для области возникли угрозы: например, региону грозит нарастающее социально-экономическое отставание не только от старых, но и от новых членов ЕС — даже после нескольких лет (2000–2008 гг.) достаточно бурного экономического роста³. С другой стороны, признавая рост давления на самый западный российский регион со стороны европейского окружения, необходимо признать и возможность дальнейшего ускоренного развития области. Как отметил Святейший Патриарх Кирилл, кризис в переводе с греческого означает «испытание», другими словами — это не только проблемы, но и возможность их решить. Кроме того хочется привести высказывание выдающегося английского историка XX в. А. Дж. Тойнби, который выразил известную в исторической науке формулу «Чем тяжелее удар, тем сильнее стимул», другими словами, чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ (*Тойнби 2003, 148–149*).

Как же регион отвечает на удар, как он перестраивается? Например, по 2009 г. энергопотребление в Калининградской области всех видов источников составило около 4,5 млрд рублей, что примерно равнялось величине регионального бюджета. Если учесть, что энергосбережение в настоящий момент осуществляется не более, чем на 7–10% от потенциально возможного, то становятся понятны колоссальные резервы развития экономики региона, лишенного собственных топливных ресурсов (добыча нефти, по понятным причинам, здесь не учитывается). Неудивительно отношение к энергосбережению такого крупнейшего монополиста как ОАО «Янтарьэнерго», которое заинтересовано в наращивании производства и реализации энергии. Удивляет другое: еще в 2004 г. был принят в первом чтении закон Калининградской области «Об энергосбережении в Калининградской области». Однако он до сих пор не работает, не определены преференции для производителей всех видов энергии, применяющих дифференцированные тарифы, а также для потребителей, экономно расходующих энергию. Вывод один — монополии не заинтересованы в эффективном развитии региональной экономики, но и региональные власти не очень решительно проводят эффективную политику снижения издержек, экономии энергоресурсов.

Не вдаваясь здесь в причины такого положения дел, можно констатировать, что уровень хозяйствования на территории Калининградской области крайне низок по сравнению с динамично развивающимся хозяйством стран-соседей, входящих в Европейский Союз, что бросается в глаза любому, кто бывает в сопредельных государствах. Это особенно явственно видно, учитывая историю пребывания России на берегах Южной Балтики. После окончания II Мировой войны сюда вместо немецкого населения пришли выходцы из России, Белоруссии, Украины, других пострадавших территорий СССР, привнеся с собой и свой способ хозяйствования, основанный на исторических традициях, менталитете этого этноса. Более того, можно сказать, что столь разительный контраст в достигнутом уровне хозяйственного освоения территории и динамики ее развития по сравнению с тем, что имеется за ее границами (ЕС), является следствием разности цивилизаций России и Европы. Объяснить такое положение дел можно, применив методологию институционально-цивилизационного анализа.

Проблемы реформирования экономики и общества в России объясняются при помощи цивилизационного подхода. В соответствии с ним российское общество наряду с другими развивающимися странами (Китай, Индия и пр.) не исчерпало еще индустриального пути своего развития. Та деиндустриализация, которая случилась в 90-е гг.

³ По данным Калининградстата, темпы роста областной экономики составляли в среднем 9,8% в 2000–2004 гг. и 8,9% в 2005 г.

XX в., явилась следствием трансформационного кризиса, уничтожившего вместе со страной Советов старую индустриальную экономику, строившуюся, в основном, на доэкономическом принуждении, характерном для авторитарных режимов. Вынужденный переход новой России с деморализованным обществом и государством на развитие открытой экономики и общества привел к разрушению старого хозяйственного механизма, старой экономики, но не заложил основ нового технологического уклада. Не удивительно, что в условиях дефицита капитала, особенно человеческого, да и финансового, остатки индустриальной социально-экономической системы до сих пор воспроизводят самое себя. Проявляется это, например, в продолжающемся строительстве промышленных объектов, для возведения которых привлекается как ссудный, так и промышленный капитал Запада. Таким образом, экономика России функционирует на лучших достижениях предыдущей фазы технологического развития западных стран. Проиллюстрируем это рисунком. Из него следует, что на первый взгляд, Россия находится в той же фазе развития (во многом ценой колоссального перенапряжения ресурсов, имеющихся у страны, в первую очередь, топливно-энергетических и людских), что и передовые страны, которые можно отнести к т.н. *техногенной цивилизации*. Однако вся проблема состоит в том, что страны, о которых идет речь, опережают Россию на целый цикл, находясь на переходном этапе от постиндустриального экономического общества к постэкономической цивилизации. Можно за нефть, газ и редкие металлы приобретать новые технику и технологии, однако, недостаточное развитие человеческого капитала и общества в целом не позволят перейти на принципиально новую парадигму общественного развития.

Рискнем предположить, что основные корни сложившегося положения дел уходят глубоко в историю, культуру, менталитет российского общества, частью которого является этнос⁴, формирующийся на берегах Юго-Восточной Балтики.

Проблема же Калининградской области состоит в том, что геополитически, административно находясь в составе России, область экономически, географически, и, главное, в цивилизационном отношении одновременно находится в окружении западноевропейской цивилизации. Итак, около одного миллиона российских граждан, принадлежащих к российской цивилизации, оказались в окружении западноевропейской цивилизации. Осложняется эта ситуация тем, что западноевропейская цивилизация имеет проблемы расширения, а российская — проблемы сужения. В соответствии с теорией пассионарности Л. Гумилева Европа сделала попытку (удачную или нет — покажет будущее) за счет своего объединения, осуществить пассионарный толчок — образовать новый европейский этнос. Европу такой шаг вынудили сделать США, также созданные в свое время целым потоком пассионариев из Старого Света. Причем строительный материал (человеческие ресурсы и их территории) Европа взяла в полном соответствии с теорией пассионарности из обломков бывшего «мира социализма» — восточноевропейских стран, некогда входивших в сателлиты СССР.

К слову сказать, правительство России, в свое время — начало 90-х гг. XX в. — поступило совершенно разумно и дальновидно, пригласив переселенцев-соотечественников из бывших уже к тому времени союзных республик на переезд и постоянное жительство в Калининградскую область. Таким образом, российские власти решали сразу несколько проблем: наполнить «свежей кровью» депопуллированного населения самого западного региона страны вследствие демографического провала; получить достаточно квалифицированных, и что важно, состоятельных трудовых ресурсов; и, наконец, заполучить пассионариев, обладающих избы-

⁴ См.: XXI век: Интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский Союз: монография / А.А. Городилов, М.С. Дударев, С.Г. Каргополов и др. Калининград, 2003.

точной энергией по сравнению с местным калининградским населением. Однако, как говорится, у каждой медали — две стороны: власти не ожидали, что столкнутся с проблемой восточной ментальности переселенцев. Речь не идет о том, что восточные культурные ценности плохи. Абсолютно нет. Речь о том, что стереотипы поведения, привносимые переселенцами, не соответствуют таковым сложившимся в местном субэтнотипе. Они просто не предполагали, что эта проблема станет столь злободневной. Оказалось, что выходцы из республик Средней Азии, этнически имеющие славянские корни, привнесли в европейский этнос восточную мораль, стереотипы поведения, привычки решения деловых и бытовых вопросов в соответствии с традициями среднеазиатских народов, что само по себе естественно и понятно для выходцев из стран, развивающихся на основе традиционной культуры. С позиции пассионарной теории Гумилева и не следует ожидать, что переселенцы будут вести себя вопреки своим частным интересам, страстям. Задача общества состоит в создании условий, в которых их поведение будет трансформироваться в соответствии с традициями этого общества, в противном случае, само общество трансформируется под натиском пассионариев, чьи стереотипы поведения станут узаконенными.

Все остальные проблемы, в том числе и экономические — это следствие вышеназванной, главной проблемы.

Тем не менее, возвращаясь к Калининградской области, следует заметить, что вокруг нее скрестились две цивилизации — российская (православная) и западноевропейская (католическо-протестантская). Несмотря на то, что обе эти цивилизации являются ветвями одной западной христианско-иудейской цивилизации, между ними имеются принципиальные различия, выражающиеся в различии наших культур. Говоря словами С. Хантингтона, выдающегося американского социолога XX столетия, здесь возникает рубежная энергетика⁵. Другими словами, государственная граница России в Калининградской области — это водораздел двух цивилизаций, близких, родственных, но, весьма отличных. Казалось бы, есть легкое решение этой проблемы — вступить России в Евросоюз. Однако, это невозможно. Поскольку Россия и ЕС суть массы одного порядка, пусть и Россия уступает объединенной Европе в экономическом и демографическом плане. Как представляется, необходимо одновременное движение в обоих направлениях, сближение позиций сторон. Только тогда можно будет всерьез обсуждать эту перспективу.

Попытаемся ответить на поставленные вопросы, рассмотрев, прежде всего, русские традиции организации своей жизнедеятельности, решения хозяйственных задач. Исторически более близкий к нам выдающийся русский ученый-философ Н. Бердяев (*Бердяев 2004, 325–327*) отмечает: «Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства.... Огромные пространства легко давались русскому народу, но нелегко давалась организация этих пространств в величайшее в мире государство, поддержание и охранение порядка в нем... Но необъятные пространства России тяжелым гнетом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а поработает ее.... Смирение русского человека стало его самосохранением. Отказ от исторического и культурного творчества требовался русским государством, его сторожами и хранителями.... Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны... Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу, русская государственность боялась самодеятельности и активности русского человека, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России и возлагала на него службу, требовала

⁵ См.: The Dictionary of Human Geography. Oxford, Cambridge: Basil Blackwell Ltd., 1994.

от него смирения... И это порабощение сил русского человека и всего русского народа оправдывалось охранением и упорядочением русских пространств».

Современные авторы-экономисты также серьезно исследуют традиции хозяйственной жизни в России. Как отмечает видный экономист И.Д. Афанасенко (*Афанасенко 2001, 391*), ныне экономисты приходят к пониманию того, что мир нелинеен, он развивается многовариантно. Такое положение дел в человеческом обществе Н.Я. Данилевский (*Данилевский 2008, 601*) определил понятием «культурно-исторические типы», на основе которого им создана теория «эпох организмов во времени» и «народов — организмов в пространстве». Эта теория получила новые, дополнительные обоснования в открытых Л.Н. Гумилевым явлениях пассионарности и этногенеза (*Гумилев 2009, 13–18*).

Например, следует отметить серьезное монографическое исследование И.Д. Афанасенко. Посвящено оно осмыслению влияния культуры народа, его истории, психологии на формирование его способа хозяйствования. Как указывает автор, нынешняя фетишизация рынка вывела огромные территории России из производственной сферы; народы, веками проживающие в своих ландшафтах и создавшие уникальные культуры, но не подходящие под рыночные мерки, обречены на голодную смерть, они покидают обжитые места, разрушается созданные трудом многих поколений производственный потенциал» (*Афанасенко 2001, 400*).

Действительно, логично согласиться с автором, что у России есть единственно возможный путь, который определен ее историей и культурой (*Афанасенко 2001, 402*).

ЛИТЕРАТУРА

XXI век: Интеграция Калининградского субъекта Российской Федерации в Европейский Союз: монография / А.А. Городилов, М.С. Дударев, С.Г. Каргополов и др. Калининград, 2003.

Афанасенко И.Д. (2001). Экономика и духовная программа России. СПб.: Изд-во «Третье тысячелетие».

Бердяев Н. (2004). Судьба России: Сочинения. М.: Изд-во Эксмо; Харьков: Изд-во Фолио.

Бузгалин А. и Колганов А. (2006). Человек, рынок, капитал в экономике // *Вопросы экономики*. № 3.

Булгаков С.Н. (2007). История экономических и социальных учений / Вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель.

Винокуров М.А. и Карнышев А.Д. (2010). Глобальные проблемы России в человеческом и этнокультурном измерении // *Психология в экономике и управлении*. № 10.

Гумилев Л.Н. (2009). От Руси к России. Конец и вновь начало. М.: Эксмо.

Данилевский Н.Я. (2008). Россия и Европа / Состав. Н. Саркитова; Коммент. В. Климанова, Н. Саркитова. М: ТЕРРА — Книжный клуб.

Дякина Ю.В. (2004). Человеческий капитал как фактор экономического роста в условиях современной России: дис. ... канд. экон. наук / Московский гуманитарно-экономический институт. М.

Зубова Я.В. (2008). Правовой менталитет как социокультурный фактор реформирования современной России // *Вестник Адыгейского государственного университета*. № 8.

Келле В.Ж., Михайлов А.П. и Шведовский В.А. (2001). О пределах инновационных заимствований // *Социология: 4М*. № 13.

Кларин М.В. и Семенов И.Н. (1995). Гуманистические тенденции развития непрерывного образования взрослых в России и США. М.

Колосовский А.М. (2010). Воспитание нации. О проблемах, сдерживающих инновационное предпринимательство, как фактора саморазвития территорий // *Креативная экономика*. № 2.

Комков Н.И. и Иващенко Н.П. Институциональные проблемы освоения инноваций. (<http://institutiones.com/innovations/1507-osvoenie-innovacij.html>).

Львов Д.С. (2004). Экономический рост и качество экономики. М.: Русская книга. Мировой рынок нефти. (<http://rusanalit.livejournal.com/457695.html>).

Мионов Б. (2004). Экономическая биология человека // *Вопросы экономики*. № 10.

Норт Д. (1997). Институциональные изменения: рамки анализа // *Вопросы экономики*. № 3.

Осадчий А. (2006). Нефть и газ российского шельфа: оценки и прогнозы // *Наука и жизнь*. № 7. (<http://www.nkj.ru/archive/articles/6334/>).

Осинов Ю.М. (2003). Время философии хозяйства. М.: Экономистъ.

Радаев В.В. (1998). Экономическая социология. М.

Семенов И.Н. (2006). Психологические и социальные аспекты развития человеческого капитала и модернизация внутрифирменного образования // *Человек как капитал: Новый этап управления человеческими ресурсами. Первая российская межбанковская конференция*. М.

Семенов И.Н. (2009). Человеческий и социальный капитал: междисциплинарные и рефлексивно-психологические аспекты взаимодействия // *Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн.* / Под ред. Е. Г. Ясин; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

Тойнби А.Дж. (2003). Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Айрис-пресс.

Хайек Ф.А. (1991). Происхождение и действие нашей морали: проблема науки // *ЭКО*. № 12.

Чистяков Ю.Р. (2007). Формирование интеллектуального капитала в современной экономике России. Автореф. дисс. канд. экон. наук. 08.00.01 — *Экономическая теория*. М: МГЭИ.

Шадриков В.Д. (2007). Ментальное развитие человека. М.

Шаститко А., Афонцев С. и Плаксин С. (2008). Структурные альтернативы социально-экономического развития России // *Вопросы экономики*. № 1.

Щекотихин В.Н. (2008). Этатизм и его роль в укреплении современной государственности (зарубежный опыт и российские тенденции) // *Труд и социальные отношения*. № 3.

Щербатых М.А. (2003). Инвестиции в человеческий капитал как фактор экономического роста: их оценка и динамика: дис. ... канд. экон. наук / Воронежский государственный аграрный ун-т им. К.Д. Глинки. Воронеж.

Эффективный экономический рост: теория и практика / Под ред. Т.В. Чечелева. М.: ФА, 2001.

Kolosovsky, A. (2009). Capitalized economy of Russia: theory and practice // *Global Academic Society Journal: Social Science Insight*. Vol. 2. No. 8.

The Dictionary of Human Geography. Oxford, Cambridge: Basil Blackwell Ltd., 1994.